

ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ

В. А. Медведев

ПРИНЦИПЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ СУБЪЕКТОМ ПОЗНАНИЯ СВОИХ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ

Рассматриваются проблема сосуществования в эпистемологическом пространстве науки различных систем координат, а также возможности работать с ними в ходе их формирования, сопоставления и интеграции в формате доминирующего направления развития познавательного процесса.

Когнитивная модель как теоретико-методологическая система координат

Человечество развивается за счет того, что познание не ограничено индивидуальными когнитивными актами и имеет определенные формы институционализации в виде социокультурных практик, опосредующих взаимодействие множества различных субъектов познания в едином процессе освоения окружающего мира. Это означает существование системы координат, которая опосредует подобного рода взаимодействие, допуская сосуществование различных систем отсчета и в то же время интегрируя их в единое когнитивно-функциональное целое. На современном этапе общественного развития данное обстоятельство становится особенно актуальным, поскольку субъект познания в лице отдельных исследователей и соответствующих профессиональных сообществ начинает осознавать себя в качестве субъекта формирования теоретико-методологических систем координат, определяющих критерии научности, рациональности, адекватности эпистемологических практик и опосредованных ими результатов познания. А это требует развития методологических стратегий, которые обеспечивают

эффективность взаимодействия исследователей в условиях сосуществования различных «систем отсчета».

Данная постановка вопроса определяет направленность представленного в статье исследования. Оно посвящено проблеме сосуществования в эпистемологическом пространстве науки различных систем координат, а также возможности работать с ними в ходе их формирования, сопоставления и интеграции в формате доминирующего направления развития познавательного процесса.

Эта проблема непосредственно связана с тематикой концептуализации субъектом познания своих теоретико-методологических оснований. Под концептуализацией оснований познания в данном случае понимается процесс их проявления в плоскости методологической рефлексии субъекта познания, процесс приведения в систему категорий и принципов, определяющих его (субъекта) методологическую позицию. Работа с подобными основаниями осуществляется ученым в ходе конструирования или участия в процессе конструирования системы координат, которая проявляет собой эпистемологическое пространство познавательного процесса. Она разворачивается в виде эпистемологической стратегии¹, системы онтологических (и — шире — теоретических) представлений, модели предмета познания, и определяет позицию исследователя, а также характер неразрывно связанного с этой позицией осознания им себя в качестве субъекта познания.

По большому счету, подобная система координат опосредует видение ученым изучаемого предмета и, как следствие, структуру, особенности соответствующего исследования. А это позволяет характеризовать ее, используя терминологию Дж. Лакоффа, в качестве «когнитивной модели»². Хотя стоит отметить, что предлагаемая в данном контексте интерпретация «когнитивной модели», будучи эквивалентной наработкам Дж. Лакоффа, не является тождественной им. Здесь важны не столько индивидуальные параметры «категоризации» окружающего мира (Дж. Лакофф), сколько особенности опосредования познавательного процесса (следовательно, взаимодействия исследователей по поводу формирования знания) определенными методологическими структурами. В этом отношении конструкт «когнитивная модель» оказывается близким по значению таким терминам, как «языковой каркас» Р. Карнапа, «научно-исследовательская программа» И. Лакатоса (или «метафизическая исследовательская программа» К. Поппера), а также «научная картина мира» в интерпретации В. С. Степина. Здесь необходимо отметить, что хотя «когнитивная модель» по-разному соотносится с каждым из этих конструктов, все они имеют одно существенное сходство — они акцентируют параметры концептуализации объекта исследования, тогда как «когнитивная модель» фокусирует методолога на особенностях осознания осуществляющего подобное исследование субъекта, что и определяет выбор данного термина.

Понятие «когнитивная модель» соотносится с двумя различными значениями. Это, во-первых, модель процесса осознания и, во-вторых, результат исследования, моделирующий референтную область, на фоне которой осуществляется осознание. Данные значения не являются альтернативными по отношению друг к другу. Особенность процесса осознания заключается в том, что «внутренний» и «внешний» план его рассмотрения не исключают, а взаимодополняют друг друга. Когнитивная модель является системой координат, в пределах которой осуществляется познавательный акт, процесс осознания. Она, с одной стороны, проявляет собой конфигурацию этого акта, процесса, а с другой — проявляется в качестве категориального остова его предметного содержания, моделируя, таким образом, соответствующую референтную область, т. е. пространство, в котором отображаются конкретные объекты исследования.

Понятие «когнитивная модель» служит методологическим инструментом, через призму которого проявляются грани познавательного процесса, связанные с концептуализацией его оснований. Данный методологический инструмент опосредует изучение вопросов формирования, воспроизводства и развития системы координат познавательного процесса, а точнее, множества различных, взаимодействующих друг с другом систем координат. Здесь речь заходит об определенной плоскости рассмотрения, которая проявляет собой некий «разрез», аспект, измерение всей совокупности эпистемологических практик вне зависимости от конкретного содержания каждой из них.

В качестве методологического инструмента данное понятие позволяет, во-первых, концептуализировать теоретико-методологические основания различных научных позиций, касаясь проблемы концептуального синтеза, трансляции научного знания; во-вторых, решать вопросы эволюционной эпистемологии, связанные с развитием субъекта познания, моделей рациональности и в конечном счете систем координат, опосредующих взаимодействие человека с окружающим миром; наконец, в-третьих, разрабатывать принципы формирования когнитивного горизонта и, следовательно, построения и применения субъектом познания собственной когнитивной модели на различных уровнях ее проявления. При этом последняя из функций данного методологического инструмента является основной. «Когнитивная модель» служит инструментом концептуализации исследователем прежде всего собственных теоретико-методологических оснований. Все остальные функции этого «инструмента» являются сопутствующими. Каждая из них в отдельности реализуется и при помощи других, уже разработанных в науке методологических инструментов, в то время как проблема формирования теоретико-методологической системы координат в той форме, в которой она ставится при изучении принципов конструирования когнитивной модели, является во многих отношениях новой для современной науки.

При рассмотрении познания в качестве процесса освоения окружающего мира, результатом которого является формирование знания, позволяю-

щего человеку ориентироваться в пространстве собственной жизнедеятельности, вполне уместным становится определение исследовательской деятельности с точки зрения ее включенности в процесс формирования когнитивной модели. Осуществление этого процесса предполагает определенный уровень осознания исследователем себя в качестве субъекта познания. «Уровень» подобного осознания проявляется в способности исследователя работать с когнитивной моделью, а следовательно осознавать параметры методологической обусловленности своей научной позиции.

Характер осознания ученым своих оснований варьируется в зависимости от его методологического потенциала. Он «видит» изучаемый предмет сугубо через призму определенной когнитивной модели, однако это не означает неперемного осознания параметров методологической обусловленности реализуемых им актов познания. Довольно часто исследователь не задумывается о собственных методологических предпосылках. Придерживаясь определенной научной позиции, он не проблематизирует ее оснований, что в то же время не мешает ему отстаивать эту позицию, работая в пределах заданной «извне» когнитивной модели. В подобном случае ученый, работая в пределах некоторой системы координат, реализует возможности соответствующего когнитивного горизонта в ходе изучения конкретной предметной области. Причем с точки зрения заданных критериев рассмотрения это означает его *участие* в процессе формирования когнитивной модели.

В ходе применения заданной «извне» когнитивной модели ученый работает не с системой координат как таковой, а с предметным содержанием, которое идентифицируется на основе заданных ею принципов. В качестве системы координат он ее не «видит», так как на данном уровне концептуализации собственных оснований сама мысль о том, чтобы «увидеть» пространство исследования, просто абсурдна. Подобное пространство (теоретико-методологическая система координат) — это не объект. «Изнутри», на «базовом» уровне оно не имеет границ. Это перспектива, которая задает определенный ракурс рассмотрения, является внутренне когерентной структурой и оказывается тем более очевидной, а следовательно не проблематизируемой (нетематизируемой) для работающего «в ней» субъекта, чем глубже он осваивает ее «возможности» в ходе собственного развития, что проявляет процесс формирования и укрепления соответствующей научной позиции.

Осуществление познавательного процесса предполагает осознание ученым себя в качестве субъекта познания, т. е. проявление, отстаивание и развитие им определенной позиции, актуализация которой есть критерий сформированности и условие его самореализации. Осознание себя в этом качестве определяется характером идентификации и глубиной проработки теоретико-методологических оснований. А это означает проявление определенного отношения между субъектом и системой координат, опосредующей

изучение конкретного объекта исследования. В самом общем виде подобное отношение проявляется на трех уровнях концептуализации им своих теоретико-методологических оснований. Нижний (третий) уровень подобной иерархии предполагает осознание ученым себя в качестве субъекта познания при условии «внешней» заданности определяющей его позицию системы координат. В данном случае исследователь не формирует собственной когнитивной модели. И в то же время это не означает, будто он не осознает себя в качестве самодостаточного исследователя.

Этот уровень условно обозначается как «*третий уровень концептуализации оснований познания*». В этом случае исследователь работает в формате заданной «извне», т. е. нетематизируемой им когнитивной модели. Этот процесс осуществляется в виде проработки методологических принципов в рамках заданной системы координат, в виде конкретных теоретических построений, а также в виде кодификации результатов познания в контексте определения их практической значимости.

В подобном случае акцент делается на анализе, кодификации и использовании существующих теоретико-методологических построений. Примыкая к определенной научной традиции, исследователь осваивает сформированные в ней методологические инструменты, применяет их в ходе анализа различных теоретических конструкций на предмет их непротиворечивости, ценности, адекватности с точки зрения критериев, выработанных в признаваемой им научной традиции. Он использует соответствующий инструментарий в ходе решения конкретных когнитивных задач.

Здесь необходимо сказать несколько слов по поводу освоения ученым принимаемой им научной традиции, а также его собственного развития. Важным в данном случае является то обстоятельство, что на третьем методологическом уровне соответствующие процессы не предполагают обращения исследователя к концептуализации принципов, определяющих эпистемологическое пространство осваиваемой научной традиции. Это, конечно, не исключает возможности выбора ученым пути следования той или иной научной традиции. Так, в случае осознания им ограниченности, противоречивости или неадекватности используемого методологического инструментария, в случае появления сомнений по поводу целесообразности следования некоторой эпистемологической традиции он вполне может изменить свои методологические «пристрастия» (в логике «проб и ошибок» К. Поппера), отказаться от «устаревшей» концептуальной системы³. Однако предпосылки подобного «отказа» проявляются в формате *применения* соответствующих теоретико-методологических образований. Исследователь в данном случае сталкивается с неадекватностью концептуальной системы с точки зрения ее ограниченности в решении практических когнитивных задач и ищет замену подобной системы (теория, концепция) в рамках иной научной традиции. При этом данный процесс, как правило, не сопровождается проблематизацией принципов соответствующих когнитивных моделей. По-

добные модели не существуют для исследователя, работающего в формате заданной «извне» системы координат, что определяется методологическим «потолком» характеризуемого уровня актуализации познавательного процесса⁴. Если же ученый в ходе собственного развития проявляет способность идентифицировать когнитивную модель и работать с ней, то речь заходит уже о «втором методологическом уровне», что не имеет прямого отношения к параметрам «третьего уровня», так как в подобном случае проявляется совсем другая глубина осознания исследователем себя в качестве субъекта познания — совсем другая глубина концептуализации им собственных оснований⁵.

Проблема формирования когнитивной модели

«Второй уровень концептуализации оснований познания» — это уровень, на котором исследователь (сообщество) осознает себя в качестве субъекта формирования когнитивной модели. Последняя из внешней детерминанты превращается в предмет и условие познавательного процесса. Отсюда всякое исследование, осуществляемое на этом методологическом уровне, является ориентированным на формирование, разработку и обоснование значимости теоретико-методологической системы координат, которая постоянно присутствует в фокусе познавательного процесса, хотя в том или ином контексте исследования может и не являться предметом последнего.

В сравнении с «третьим» данный методологический уровень характеризуется большей устойчивостью позиции исследователя. В связи с большей глубиной проработки ученым собственных оснований его теоретические построения становятся более последовательными, а отстаивание своей позиции приобретает более «непреклонный» характер. И связано это с тем, что «отказ» от той или иной позиции в данном случае — это не столько проблема выбора между существующими концепциями, сколько вопрос сохранения ученым собственной теоретико-методологической идентичности⁶.

Разработка исследователем когнитивной модели в контексте осознания себя в качестве субъекта ее формирования не только открывает перед ним большой горизонт познавательных возможностей, но и наделяет грузом ответственности за последовательное развитие исходных методологических принципов и обоснование значимости соответствующей позиции. Это, безусловно, делает его позицию более инертной, превращает исследователя в объект всевозможной критики, но в то же время придает значительно больший теоретико-методологический вес результатам его работы, поскольку именно конструирование когнитивных моделей делает возможным появление научных школ, традиций, векторов развития познавательного процесса — процесса, который осуществляется в пределах когнитивного горизонта той или иной модели познания. А это то, без чего не существует «третьего уровня», так как применять, кодифицировать можно только сформированную когнитивную

модель. Этот процесс всегда вторичен, произведен от процесса конструирования соответствующего эпистемологического образования⁷.

Особенностью осознания исследователем себя в качестве субъекта формирования когнитивной модели является то, что в условиях сосуществования различных концептуальных систем «прозрачна» для него только собственная система координат. Он идентифицирует ее в качестве целостного методологического образования, имея возможность работать с ее конфигурацией на метатеоретическом уровне. Причем, «поднимаясь» на уровень метатеоретической работы с системой координат, которая в данном случае становится структурой критериев, исследователь «видит» и другие когнитивные модели, проявленные в качестве самостоятельных абстрактно-логических структур. Но «видит» он их, исходя из собственных оснований. Это означает, во-первых, отсутствие возможности посмотреть на окружающий мир с позиции другой когнитивной модели⁸, во-вторых, восприятие последней в качестве «конкурирующей» концептуальной системы и, в-третьих, рассмотрение «чужой» концептуальной системы с точки зрения ее соответствия собственным методологическим основаниям. И хотя обоснование доминантности собственной когнитивной модели как «привилегированной» по отношению к другим проявляется в разных формах у различных исследователей (на данном методологическом уровне), суть от этого не меняется. Формируя когнитивную модель, исследователь осваивает окружающий мир, и он просто не может исходить при этом из ложности своих оснований или их вероятностного характера.

Опровержимыми, имеющими вероятностный характер могут быть результаты исследования, осуществляемого на основе подобных принципов, но не сама система координат. В формате конституирования методологических принципов последней вопрос об истинности вообще не ставится, так как его актуализация требует содержания, которое проявляется «внутри» подобной системы координат⁹. Когнитивная модель — это не интерпретация действительности, а структура, *опосредующая* концептуализацию окружающего мира. Отсюда, формируя ее, исследователь озабочен не доказательством истинности последней в смысле соответствия окружающему миру. Проблемой здесь является не стремление к «истине-соответствию», поскольку для поиска подобного соответствия не существует «аналогов», но обеспечение когерентности когнитивной модели и ее самостоятельности в качестве структуры критериев.

Ученый, работающий на втором методологическом уровне, занимается конструированием и проработкой когнитивной модели в качестве самостоятельной системы координат, которая как таковая безотносительна к другим когнитивным моделям (с точки зрения данного уровня концептуализации оснований). Это означает, что, будучи системой координат, осознаваемой на данном методологическом уровне, она не соприкасается с другими когнитивными моделями как таковыми. Невозможно, находясь в пределах

одной когнитивной модели, идентифицировать другую в качестве целостной, самодостаточной системы координат¹⁰. А выйти за пределы собственной когнитивной модели (не «дистанцироваться» в ходе проявления мета-теоретической перспективы, сохраняя при этом собственную позицию на «базовом» уровне концептуальной системы, а выйти за пределы последней), не лишившись теоретико-методологической идентичности, на этом методологическом уровне невозможно.

Как следствие, «взаимодействие» когнитивных моделей принимает здесь опосредованный характер конкуренции «научно-исследовательских программ». В этом смысле формирование когнитивной модели представляет собой не только разработку методологического каркаса и его концептуальное развертывание в виде системы эпистемологических принципов и онтологических представлений. Этот процесс также предполагает «доказательство» практической значимости (не истинности, а именно значимости) когнитивной модели. И только на этом этапе становится возможным (и необходимым) обращение исследователя к содержательным проекциям или теоретико-методологическим фрагментам других когнитивных моделей. А это объясняет его ориентацию на обоснование доминантности собственных представлений и оценку теоретических построений других исследователей исключительно с точки зрения соответствия их выводов его собственным методологическим предпосылкам¹¹. Это, конечно, не означает, что данный процесс исключает возможность развития субъектом познания своих представлений в ходе «опредмечивания» методологических предпосылок в виде научной теории (философской концепции), но предполагает, что осуществление названного процесса ориентировано на усиление когерентности собственной концептуальной системы, с одной стороны, и поиск путей расширения объяснительных возможностей опосредованных ею теоретических построений — с другой¹².

Итак, формируемые на втором методологическом уровне когнитивные модели существуют и в то же время трактуются с точки зрения исследователя, осознающего себя в качестве субъекта их формирования, в виде взаимоисключающих когнитивных структур по принципу доминирования разрабатываемой данным субъектом системы координат. А это делает актуальной тему взаимодействия когнитивных моделей и связанные с ней проблемы преемственности научного знания, институционализации познавательного процесса и в конечном счете взаимодействия исследователей в условиях множественности имеющих равное право на существование когнитивных моделей.

Методология работы с когнитивной моделью

Рассмотрение обозначенных выше вопросов требует обращения к *«первому уровню концептуализации оснований познания»*, на котором ученый

осознает себя в качестве субъекта формирования структуры когнитивных моделей. Это уровень разработки *методологии* конструирования и оперирования когнитивными моделями, что является необходимым для формирования доминирующих направлений развития познавательного процесса посредством проявления структуры функционально взаимосвязанных (хотя и не «пересекающихся») концептуальных систем. Причем речь в данном случае идет не просто о сопоставлении когнитивных моделей, не просто о признании их самоценности, но прежде всего о формировании нелинейной, многоуровневой структуры подобных когнитивных образований.

«Первый методологический уровень» является таким уровнем концептуализации и проработки методологических оснований, на котором исследователь проявляет способность осознавать себя и, как следствие, «видеть» окружающий мир через призму различных когнитивных моделей. Это дает возможность перемещаться из одной системы координат в другую и в то же время не терять собственной идентичности, несмотря на то, что погружение в ту или иную когнитивную модель не содержит в себе параметров ее редуцирования к другой. С точки зрения второго методологического уровня подобный процесс предполагает «способность» исследователя видеть мир во взаимоисключающих друг друга когнитивных перспективах и при этом сохранять здравость рассудка, что на данном (втором) уровне невозможно. В принципе, нечто подобное происходит на третьем уровне, однако это только кажущееся подобие, так как исследователь в этом случае не осуществляет осознанной работы с когнитивными моделями. Он не просто «погружается», но «проваливается» в пространство когнитивной модели, не осознавая соответствующего процесса, чего нельзя сказать о первом методологическом уровне. В последнем случае ученый, перемещаясь из одной системы координат в другую, отнюдь не теряет своей теоретико-методологической идентичности.

Первый уровень концептуализации субъектом познания своих теоретико-методологических оснований предполагает существование сформированной им когнитивной модели. Однако она не является единственной «прозрачной» для исследователя системой координат. Формирование структуры когнитивных моделей есть, по сути, разработка системы координат второго (или более) порядка. При этом речь не идет о концептуальном синтезе когнитивных моделей, в результате которого проявляется методологическое образование большего порядка. Различные когнитивные модели, становясь составляющими более сложного образования, подводятся под единое основание, но при этом, во-первых, не редуцируются к этому основанию, сохраняя собственную конфигурацию, и, во-вторых, не детерминируют своим содержанием принципы построения образуемой ими структуры. Построение последней предполагает работу с самодостаточными сборочными единицами. Исследователь в данном случае оперирует когнитивными моделями, но не занимается их непосредственным конструированием. Здесь речь

идет о построении определенной когнитивной структуры из уже сформированных сборочных единиц¹³.

Данный уровень концептуализации оснований познания предполагает обращение к разработке принципов формирования когнитивной модели как таковой. Это дает возможность развивать и использовать подобные принципы применительно к любому материалу, следовательно, работать с любой когнитивной моделью, изучая ее особенности, «погружаясь» в нее и при этом не теряя «нить Ариадны», т. е. четко отслеживая критерии актуализации познавательного процесса. Субъект познания в этом случае осознает себя не просто с позиции рассматриваемой когнитивной модели, но в качестве находящегося в пределах данной системы координат, сохраняя, таким образом, идентичность субъекта формирования структуры когнитивных моделей. Достичь этого, не прибегая к концептуальной редукции, можно только за счет многоуровневости методологической перспективы исследования. Методолог должен одновременно находиться в нескольких точках эпистемологического пространства, сохраняя при этом целостность научной позиции, не распадаясь на части, не теряя своей идентичности и в то же время не уходя на уровень «кодификации гипотетически допустимого» (сохраняя позицию субъекта *теоретического конструирования*).

В данном случае необходимо отметить одну важную особенность работы исследователя на характеризуемом методологическом уровне. Она заключается в том, что идентификация когнитивной модели не является проблемой метаязыковой кодификации соответствующих принципов. С точки зрения теоретического конструирования процесс кодификации в любой форме его проявления является вторичным, поскольку кодификации подлечит только результат исследования либо познавательный акт в *результате* его осуществления. Осознание предполагает опору на знаковую систему, но не сводится к оперированию знаками. Семиотические параметры познавательного процесса задают форму выражения мысли, но не детерминируют ее содержания.

Четкая расстановка акцентов в контексте *дифференциации* параметров формирования и кодификации мысли позволяет перевести проблему концептуализации оснований из плоскости доминирования семиотической закономерности построения метаязыковых иерархий в плоскость развертывания методологии конструирования когнитивной модели. В первом случае концептуализация параметров когнитивной модели возможна только за счет методологических (здесь это означает — семиотических) ресурсов другой когнитивной модели, которая является метаконцепцией по отношению к исходной (базовой, данной) и также имеет определенные основания. Последние для своей концептуализации требуют подняться еще на одну «метаступень» и т. д. В подобном случае речь идет о проблеме недостаточности семантики конкретной знаковой системы (следовательно, когнитивной модели) для концептуализации (в смысле кодификации) ее соб-

ственных оснований¹⁴. С точки зрения семантики данная проблема остается открытой. Это требует от исследователей решать ее в области прагматики, когда доминирующий уровень «описания» фиксируется в качестве такового не в силу его проявления в виде вершины возможной семиотической иерархии, а в силу целесообразности надления его свойством метатеоретической доминанты. Основания последней не требуют концептуализации, но принимаются просто в качестве данных¹⁵. И хотя подобное принятие «данности оснований» проявляется по-разному, в зависимости от конкретной научной позиции, суть подобной модели сохраняется: кодификация осуществляется с позиции когнитивной модели, которая не тематизируется в данном процессе.

С точки зрения *формирования* когнитивной модели метапозиция как таковая является не столько основой, сколько следствием идентификации соответствующей системы координат. Концептуализация исследователем собственных оснований на уровне идентификации когнитивной модели осуществляется «изнутри» образуемого ею эпистемологического пространства, что возможно только за счет уровневости осознания себя, находящегося в процессе исследования. В обратном случае, при абстрактном рассмотрении некоторой системы принципов, исследователь работает не с системой координат, являющейся методологическим образованием, а с определенной теоретической конструкцией, которая в данном качестве оказывается идеальным объектом, не претендующим на статус теоретико-методологической системы координат. В этом отношении метатеоретическая перспектива концептуализации когнитивной модели — это не столько переход от одной системы координат к другой, сколько проявление абстрактно-логической дистанции при сохранении концептуальной идентичности с объектом «дистанцирования», т. е. некий «взгляд на себя» со стороны своими собственными глазами.

В то же время формирование структуры когнитивных моделей не сводится к идентификации некоторой системы координат или даже их совокупности. И в этом контексте концептуальная метаперспектива исследования проявляется не только как процесс концептуализации оснований с позиции конкретной когнитивной модели, но также как процесс формирования структуры функционально связанных относительно методологической доминанты и при этом внутренне когерентных способов освоения мира с соответствующими им когнитивными горизонтами.

А это означает, что первый уровень концептуализации субъектом познания своих теоретико-методологических оснований предполагает развитие им исходной (своей) системы координат в контексте 1) разработки принципов построения на ее основе структуры когнитивных моделей, 2) применения этих принципов в ходе формирования методологической конфигурации подобной структуры и 3) ее концептуального развертывания в качестве *направления* развития познавательного процесса.

Итак, познание всегда осуществляется в формате определенной системы координат, т. е. когнитивной модели, а) определяющей видение исследователем (или сообществом) изучаемой проблематики, б) сосуществующей с множеством других когнитивных моделей и в этом сосуществовании в) интегрированной в многомерную инфраструктуру когнитивных зависимостей, которые в каждый конкретный момент рассмотрения имеют определенное направление развития, представленное множеством разнонаправленных, но в то же время функционально взаимосвязанных, «скоординированных» относительно доминанты познавательных векторов. Подобная «доминанта развития» концептуализируется в терминах «общенаучной картины мира» (И. Я. Лойфман) и «идеала научной рациональности» (В. С. Степин), проявляясь в качестве структурообразующей когнитивной модели. При этом такую «доминанту развития» не стоит отождествлять с какой-либо научной теорией. Общая когнитивная доминанта отображается скорее как фокус эпистемологических ориентаций, параметры которого постоянно преобразуются, что в то же время не является следствием стихийного развития познавательного процесса. Б. И. Пружинин пишет в этой связи: «...всякое научное знание является результатом сознательно организованной познавательной деятельности, т. е. деятельности, протекающей под критикорефлексивным контролем. Это не значит, что все элементы добытого научного знания получены исключительно под контролем рефлексии или даже просто сознания. Это значит, что субъект научного познания имеет представление о совокупности допустимых методов научно-познавательной деятельности, настойчиво и упорно стремится прилагать их во всех познавательных ситуациях и обладает способностью контролировать их приложение (т. е. оценивать их эффективность, корректность, уместность, последовательность и пр.). При этом практикующий ученый как субъект научного познания может и не подозревать о том, что его научное сознание является предметом пристального внимания профессионалов-методологов, анализирующих, а зачастую и конструирующих методологический инструментарий науки. Но так или иначе этим инструментарием ученые пользуются в своей позитивной работе»¹⁶.

В этом отношении необходимо четко разграничить два различных вопроса, а именно проблему *формирования методологии* работы с когнитивной моделью, с одной стороны, и проблему *концептуализации познавательного процесса* с точки зрения формирования когнитивной модели — с другой. Построение методологии работы с когнитивной моделью — это новая для науки задача, определяемая особенностями современного идеала научной рациональности, тогда как опосредованность познания той или иной теоретико-методологической системой координат — это факт, который характеризует подобный процесс вне зависимости от осознания данного обстоятельства субъектом познания, т. е. вне зависимости от конкретных особенностей научной рациональности, стиля мышления. Как след-

ствие, применение «когнитивной модели» в качестве инструмента анализа теоретико-методологических оснований познания позволяет вычленять методологическую составляющую в деятельности (творчестве) конкретного ученого или научного сообщества. Это позволяет концептуализировать параметры его участия в процессе формирования, разработки, воспроизводства соответствующей когнитивной модели вне зависимости от того, обращается ли сам исследователь (сообщество) к концептуализации собственных оснований. И в то же время постановка вопроса о методологии работы с когнитивной моделью требует фокусирования на характере осознания исследователем заданной проблематики, его целенаправленном обращении к системе координат познавательного процесса. А это становится возможным только на том этапе развития познавательного процесса, когда классический (объективистский) тип научной рациональности постепенно начинает сменяться новыми гносеологическими ориентирами. Если быть более точным, то преобразование идеала научной рациональности является условием обращения к заданной проблематике, которая, в свою очередь, вовсе не сразу оказывается фокусом эпистемологических интересов. Осознание функциональной взаимозависимости различных когнитивных моделей и соответственно востребованности построения «мета-парадигмальных» образований требует преодоления оппозиции «классическое versus неклассическое» в научной рациональности. Это, по большому счету, происходит только во второй половине XX в. Примером тому служат идеи Т. Куна, И. Лакатоса, П. Бурдье, Н. Гудмена, отечественные методологические и эпистемологические исследования (В. С. Степин, В. А. Лекторский, П. П. Гайденок, Е. Д. Смирнова, Г. П. Щедровицкий, М. К. Мардашвили и др.).

Однако осознание проблемы как таковой является не более чем предпосылкой для ее разрешения. Г. П. Щедровицкий¹⁷ отмечает в этой связи: «Сегодня, чтобы решить всю совокупность задач, поставленных наукой, мы должны перейти к новым, более высоким формам мышления»¹⁸. «Методологическое мышление должно выработать новые средства и новую технологию, а именно — средства и технологию надпредметного мышления»¹⁹. Речь в данном случае заходит о формировании новых когнитивных стратегий, попытки построения которых становятся все увереннее, являясь в то же время не более чем первыми шагами в ходе работы над обозначенной проблематикой. Соответственно обращение автора статьи к исследованию вопросов концептуализации субъектом познания своих теоретико-методологических оснований связано со стремлением внести вклад в развитие этого сложного эпистемологического процесса. «Само по себе подтверждение множественности доступных систем координат, — пишет Н. Гудмен, — еще не обеспечивает нас картой движений небесных тел; признание приемлемости альтернативных оснований еще не дает никакой научной теории или философской системы; понимание различных

способов видения еще не рисует никаких картин. Широта взглядов не заменит тяжелой работы»²⁰.

¹ Концепция истинности, связанная с нею интерпретация отношения объекта и субъекта познания, идентификация познавательного процесса, его границ и возможностей и т. д.

² См.: *Лакофф Дж.* Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении. М., 2004.

³ См.: *Поппер К.* Квантовая теория и раскол в физике. М., 1998. С. 43.

⁴ Ср.: *Розова С. С.* Классификационная проблема в современной науке. Новосибирск, 1986. С. 147–148.

⁵ «Субъект, поднявшийся до критики оснований собственной мысли и практики, — отмечает В. Н. Порус, — обретает личностную уникальность, свободу, принимая в то же время на себя и ответственность. Правда, можно быть равно несвободным и в покорном принятии догмы, и в бунте против нее, если в этом выражается лишь мнение среды, к которой человек принадлежит или против которой выступает» (Парадоксы научной рациональности и этики [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://filosof.historic.ru/-26.06.2007>).

⁶ См., напр.: *Кедров Б. М.* Проблемы логики и методологии науки. М., 1990. С. 68–69.

⁷ Ср.: *Копнин П. В.* Диалектика, логика, наука. М., 1973. С. 166–167.

⁸ В этом отношении определенный интерес представляют идеи В. Куайна (см.: *Куайн В.* Онтологическая относительность // Современная философия науки. М., 1994. С. 23–36).

⁹ Ср.: *Карнан Р.* Значение и необходимость. М., 1959; *Лакатос И.* Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М., 1995. С. 80–83; *Мамардашвили М. К.* Стрела познания. М., 1997. С. 177–179, 191.

¹⁰ В данном случае «идентификация» образующих «чужую» когнитивную модель принципов возможна только за счет отображения последней в качестве теоретического объекта, который, в свою очередь, проявляется в пределах «собственной» когнитивной модели исследователя. По сути, речь идет о редуцировании одной системы координат к другой, что исключает возможность идентификации «чужой» когнитивной модели в качестве системы координат.

¹¹ Судя по всему, именно в этом контексте проявляется ситуация, о которой пишут Д. В. Пивоваров и А. С. Алексеев: «На переднем крае науки всегда есть место для дискуссий... Нередко бывает, что каждый из оппонентов остается при своем собственном мнении, несмотря на взаимную убедительную критику. Это можно в определенной степени рационально объяснить: если разные научные школы используют различную методику при изучении одного и того же объекта, то и представления об этом объекте у них складываются разные, поскольку различны операционные значения употребляемых ими понятий» (*Пивоваров Д. В., Алексеев А. С.* Операционный аспект научного знания. Иркутск, 1987. С. 24).

¹² Необходимо отметить, что в данной работе вопрос о путях «опредмечивания» когнитивной модели в ходе проявления на ее основе научной теории (или философской системы) не ставится. Автор делает акцент на процессе концептуализации субъектом познания своих теоретико-методологических оснований. И это требует абстрагирования от предметно-теоретической составляющей познавательного процесса. Хотя стоит признать, что процессы построения когнитивной модели и формирования научной теории отнюдь не исключают друг друга. Просто сопоставление этих процессов требует совсем другого исследования, которое на данном этапе автор только планирует предпринять.

¹³ В то же время работа с готовыми сборочными единицами не означает «схематизма» теоретического конструирования на данном методологическом уровне. Формировать структуру из каких бы то ни было составляющих можно только при условии их идентификации в качестве таковых. А в случае с когнитивной моделью это далеко не так просто. Для ее идентификации нужно не просто перечислить соответствующие принципы, категории или

даже объяснить характер их взаимозависимости, т. е. дать формальную характеристику идеального объекта. Все это, безусловно, необходимо, но этого недостаточно. Идентифицировать когнитивную модель означает осознать себя в пределах образуемой ею системы координат.

¹⁴ Интересным примером актуализации обозначенной проблематики служит «трилемма Мюнхгаузена» Х. Альберта (см.: Тракат о критическом разуме. М., 2003. С. 35–55).

¹⁵ См., напр.: *Витгенштейн Л.* О достоверности // *Вопр. философии.* 1991. № 2. С. 67–120.

¹⁶ *Пружинин Б. И.* Ratio serviens? // Там же. 2004. № 12. С. 44.

¹⁷ Хотя позиция Г. П. Щедровицкого по поводу соотношения методологии и науки является крайне дискуссионной, сама постановка вопроса, которая в данном случае проявляется, очень четко обозначает существующую проблему.

¹⁸ *Щедровицкий Г. П.* Философия. Наука. Методология. М., 1997. С. 354.

¹⁹ Там же. С. 389–390.

²⁰ *Гудмен Н.* Способы создания миров. М., 2001. С. 138.

Рукопись поступила в редакцию 17 октября 2006 г.